Неформальная (эксполярная) экономика колхозной деревни Западной Сибири в 1939–1953 годах[1]

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

EDN: GEDQPV

Аннотация. В статье предпринята попытка применить концепцию эксполярной экономики Т. Шанина для анализа способов адаптации колхозной деревни к новому витку мобилизационной политики государства в 1939–1953 годах. Выявлены различные способы «просачивания» артельных ресурсов (включая землю, деньги, рабочую и тягловую силу, инвентарь, технику, скот и все виды сельхозпродукции) в неформальный сектор. Они неравномерно перераспределялись между многими реципиентами, в круг которых входили структуры местной власти, отдельные должностные лица, несельскохозяйственные предприятия и организации, управленческая верхушка колхозов и сами крестьяне. Неформальная экономика оказывала государству неоценимую услугу, компенсируя изъяны централизованного управления. Она заполняла лакуны товарообмена между городом и деревней, снижала остроту продовольственного кризиса и товарного голода как в городах, так и в сельской местности. Для самих колхозов ресурсы, оказывавшиеся вне контроля государства, позволяли брать на себя функции социального попечения, в котором советская власть отказывала крестьянству. Экономика колхозов была укоренена в общественной жизни крестьянства. Эксполярные связи, скреплявшие колхозный социум, облегчали задачу совместного выживания в условиях агрессивной мобилизационной политики государства.

Ключевые слова: колхозы, крестьянство, выживание, адаптация, аграрная политика, мобилизация

Понятие «эксполярная экономика» было предложено Т. Шаниным для обозначения особого типа экономических отношений, которые находятся вне рамок правовых норм и скрываются от систем государственного учета и контроля (Шанин, 1999). Их присутствие можно обнаружить в различных обществах и в различные эпохи, что придает феномену универсальный характер. С 1970-х годов в исследовательской литературе появилось множество вариантов описания «теневой» стороны экономической жизни общества. Такую экономику называли неформальной, второй, подпольной, черной,

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00100 «Социальная адаптации сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги».

серой, традиционной и т.д. Шанин обнаружил, что в основе всех вариантов описания лежит общее явление, а именно — наличие отношений, которые выстраиваются независимо от стимулов, предписаний и ограничений как государственной, так и рыночной экономики. Такой тип социально-экономических связей Шанин называет эксполярным (эксполярность понимается здесь как равноудаленность от обоих полюсов политэкономии: государства и рынка).

Эксполярной экономике присуще целевое дистанцирование от государства и законов, сделки в ней не регистрируются, обязательства сторон основываются на отношениях доверия и взаимопомощи или подкрепляются угрозой насилия. Эксполярные структуры укоренены в социальной жизни, они порождаются неформальными отношениями между людьми, семейными или межсемейными (соседскими) связями. Мотивы здесь определяются задачей выживания, а не максимизации прибыли. Было бы ошибкой, считал Шанин, задавать эксполярной экономике строгие рамки, отграничивая ее от государственного и рыночного секторов. Автор настаивал на том, что в этом явлении мы скорее должны увидеть тип операционной логики или стратегии, отличный от тех, что существуют в имеющихся политэкономических моделях. Эксполярные структуры могут находиться в симбиотической связи как с рыночной, так и государственной экономикой, подпитывая их, с одной стороны, и подпитываясь их ресурсами — с другой. «Есть “неформальность”, — пишет Шанин, — во многих “формальных” учреждениях и соглашениях» (Шанин, 1999: 19).

Задача поиска эксполярных структур в экономике колхозной деревни сталинского периода привлекает наше внимание к хронологическому отрезку 1939–1953 годов. В это время государство инициирует серию кампаний по борьбе с нарушениями устава сельхозартели, а в 1946 году создает постоянно действующий орган, Совет по делам колхозов, подчиненный той же задаче. В региональных отчетах о ходе кампаний и работе Совета обнаруживаются интересующие нас случаи, когда колхозы вели себя совершенно независимым от институциональных предписаний образом.

В этот же отрезок укладывается военное время, которое поставило колхозы и крестьянство на грань выживания. Несмотря на экстремальный мобилизационный натиск, сельхозартелям удавалось удерживать собственную экономику от распада. Количество колхозов Западной Сибири к концу 1944 года сократилось по сравнению с 1940 годом всего на 3,1%, или ровно на 500[2]. Возможно, изучение неформальной стороны их деятельности

2. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 134.

позволит объяснить, за счет чего экономическая жизнь все-таки теплилась в колхозах даже в самых неблагоприятных для нее условиях.

Отдельные аспекты неформальной стороны жизни колхозной деревни 1939–1953 годов уже попадали в фокус внимания историков. Наибольший интерес вызывали выпадающие за рамки законности социально-экономические формы поведения крестьянства. Они трактовались как социальный протест (Безнин, Димони, 1999; Филатов, 2024), а в иных случаях — как способ адаптации к тяжелым условиям борьбы за выживание (Рынков, 2002, 2008; Хасянов, 2018). К теме крестьянских противозаконных экономических практик обращался и автор данной статьи. В одной из работ мы использовали концепцию этики выживания Дж. Скотта для того, чтобы объяснить их распространение в 1930-е годы и во время Великой Отечественной войны (Шарапов, 2024). На наш взгляд, нарушение законов, формальных правил, уставов и распоряжений стало привычной реакцией крестьянства на невыносимые условия жизни во время усиления мобилизационного натиска. Наиболее массовое выражение она получала в хищениях колхозной продукции, причем противозаконным по форме действиям придавалось моральное оправдание. Склонность крестьянства к скрытому неповиновению осознавалось и центральной властью, которая не отказывалась от принудительных мер во время хозяйственно-политических кампаний.

Хотя концепция этики выживания и способна дать объяснение нелегальной экономической активности крестьянства, остается вопрос о том, какие эффекты последняя оказывала на советскую экономику в целом. Очевидно, что такого рода активность примыкала к широкому неформальному пласту, включавшему, например, незаконный товарообмен между городом и деревней или коррупционные отношения с местной властью. Было бы небесполезным проверить на нашем материале идею Т. Шанина о симбиотической связи формальных и неформальных слоев экономики. Именно колхоз, на наш взгляд, стоит считать местом их соприкосновения, или, скорее, диффузии. С одной стороны, он был навязанной государством формой экономического предприятия с детализированным уставом, а с другой стороны — представлял собой сложный социальный организм («колхозный социум»), живший в значительной степени по неформальным правилам. Поэтому в данной статье мы сосредоточимся не на индивидуальных или семейных нелегальных экономических практиках, а на неформальной стороне деятельности колхозов как таковых. Представляется, что использование концепции эксполярной экономики поможет понять, в каком виде существовала связь между нелегальной деятельностью колхозов (торговой, обменной, финансовой и др.) и задачей совместного выживания, скреплявшей колхозный социум.

Предвоенный импульс

В конце 1930-х годов советское государство было обеспокоено тенденциями, которые в ближайшей перспективе вели к сокращению мобилизационного потенциала деревни, а в отдаленной — несли угрозу всему проекту коллективизации. Последний предполагал максимальную концентрацию крестьянского труда в колхозах при широком внедрении машинной техники и копировании черт фабричного производства. Вопреки замыслу творцов коллективизации крестьянство не проявляло должной отзывчивости. В 1937 году 31,6% колхозников СССР фактически не участвовали в артельных работах, из них 10,4% не выработали ни одного трудодня, а 21,2% — от 1 до 50 (Сталин, 2006: 419). Личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) становились основным местом приложения труда, принося при благоприятных условиях сравнительно высокие доходы от рыночной реализации продукции. «Половина гектара земли приусадебной дают иногда несколько тысяч дохода, — говорил секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев на совещании с секретарями обкомов и крайкомов 8–9 мая 1939 года, — а в овощных районах или в садоводстве, или в виноградарстве дают более десятка тысяч дохода, т.е. доход от приусадебного участка в несколько раз превышает доход по трудодням»[3]. С точки зрения власти крестьяне паразитировали на ресурсах колхозов, незаконно прирезая к ЛПХ землю, пользуясь лошадьми и техникой, при этом не участвуя в артельных работах.

На майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 года И. В. Сталин с тревогой описывал перспективу возврата к мелким формам сельхозпроизводства: «Если так и впредь будем волочиться за событиями, а не руководить, то лет через 30–40 мы получим такую картину, что колхозы распадутся, вместо колхозов образуются хутора, новые индивидуальные хозяйства, числящиеся в составе колхозов, у которых общественного поля либо вовсе нет, либо очень мало осталось, не требуется тракторов, потому что на мелких полях тракторам нечего делать, не требуется много молотилок, комбайнов, общественного труда, ибо он сам у себя сидит королем на своем приусадебном участке и возвращается к индивидуальному крестьянскому хозяйству, хозяйству полунатуральному или вовсе натуральному» (Сталин, 2006: 417).

С 1939 года государство предпринимает меры по ограничению внеколхозной экономической активности крестьянства. Был введен обязательный минимум трудодней, повышенный сельхозналог ограничил доходность ЛПХ, на местах инициировались кампании по обмеру приусадебных хозяйств с конфискацией земельных

3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 123. Д. 18. Л. 3.

прирезков и скота при превышении установленных уставом колхозов норм. Для крестьян одним из способов обмануть государство, взявшееся за охрану артельных земель, был фиктивный раздел дворов. Он оформлялся через сельсовет, в итоге каждому из якобы обособившихся дворохозяйств полагался свой приусадебный участок. Оказалась, что процедура никак не отрегулирована государством — сельсоветы принимали решения по собственному усмотрению. Распространенность таких случаев была отмечена в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 года[4].

Один лишь этот нюанс колхозной жизни свидетельствовал о том, что государство, пытаясь задать строгие институциональные рамки колхозной экономике, взваливало на себя непосильную задачу — приглядывать за миллионами крестьян, поведение которых не отличалось предсказуемостью. Рассуждая на майском пленуме ЦК 1939 года об угрозах колхозной системе, Сталин обращался к присутствующим: «Чтобы вовремя выправить положение, неправильно ссылаться, как это делаете вы, на крестьянина. Крестьянин тут ни при чем, он делает так, как ему выгодно. Вы виноваты, ЦК и особенно вы, которые сидите на местах, видите дело и не сигнализируете» (Сталин, 2006: 418).

Уже в конце 1930-х властью осознавалась нехватка органа, который бы на постоянной основе занимался организационным укреплением колхозов, ликвидируя отклонения от институциональной нормы. Единожды проведенный обмер ЛПХ не давал гарантий, что прирезки артельной земли не возобновятся в следующем году. Сталин на упомянутом майском пленуме 1939 года говорил о намерении создать для крестьян «свой всесоюзный орган», который бы решал «некоторые вопросы колхозного строительства, при нашем участии и при нашей помощи» (Там же: 421).

Этот замысел был реализован только после войны, когда в 1946 году начал работу Совет по делам колхозов. По мере ознакомления с положением дел в организации колхозного бюджета, учета, землепользования и производства открывались многочисленные формы нарушений устава сельхозартели.

Операции с землей

И. Д. Лаптев, бывший в годы перестройки главным редактором газеты «Известия» и председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, детство которого в деревне Сладкое Омской

4. История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2 (1937–1958 гг.). М.: Госюриздат, 1958. С. 107–110.

области пришлось на военные годы, писал в воспоминаниях: «Идиотизм нашей власти тех времен ярче всего проявлялся как раз в подходе к этому огороду. Положено было на дом 34 сотки. И больше — ни одного квадратного метра. Вокруг лежали пустоши, примыкавшие к огородам, поля колхоз уже не мог обрабатывать, но сажать там картошку для себя категорически запрещалось»[5]. Стоит согласиться с Лаптевым в том, что государственная политика охраны артельных земель от расхищения вряд ли была адекватна остроте продовольственной проблемы в условиях войны и в голодные послевоенные годы. Колхозной деревне при нехватке рабочей и тягловой силы, при сократившихся возможностях МТС не под силу было осваивать наличные земельные фонды в полном объеме, особенно в условиях сибирского многоземелья. В то же время и крестьяне вряд ли могли занять пустующие площади — война сократила количество трудоспособных в семье, ограничивая потенциал расширения ЛПХ. В таких условиях наибольший спрос на колхозную землю демонстрировали несельскохозяйственные предприятия и организации, которые были заинтересованы в дополнительном источнике сельхозпродукции.

Государство осознавало необходимость обеспечить несельскохозяйственные предприятия подсобными хозяйствами, но создало для этого крайне неэффективный механизм. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 года предоставляло право региональным исполкомам разрешать предприятиям, организациям, учреждениям и воинским частям временно производить посевы на пустующих землях колхозов[6]. Заявки на выделение земли поступали в региональные земельные отделы, но медлительность при их рассмотрении обессмысливала формальную процедуру; так, в Новосибирской области на 21 июня 1944 года лежали неразобранными дела о выделении земли 347 организациям на 28 309 га (Шарапов, 2023: 102). Польза от земли, полученной по истечении сроков посевной кампании, сводилась на нет. После войны процедура усложнилась: колхозная земля выделялась предприятиям в регионах по согласованию с Советом Министров. Медлительность государственных органов, неспособность своевременно и точно определить спрос заставляли действовать в обход формальной процедуры. Эффективнее было договориться с колхозами об аренде земли напрямую, минуя государственные инстанции. Такие сделки были взаимовыгодны:

5. *Лаптев И. Д.* Власть без славы / URL: https://corpus.prozhito.org/note/679118 (дата доступа: 26.04.2025)
6. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 7 апреля 1942 г. О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 65.

колхозы получали в уплату деньги или промышленные товары, а горожане получали доступ к источнику продовольствия.

Прирезок к ЛПХ оказывалось значительно меньше, чем земли, сданной в аренду. В результате проверки 3146 колхозов Алтайского края в 1947 году обнаружилось 12 843 га, захваченных под личные хозяйства (причем не только членами колхозов), и 82 612 га, находившихся в распоряжении несельскохозяйственных организаций[7]. В Новосибирской области на начало 1947 года в 2559 колхозах было выявлено 5 963,12 га, используемых частными лицами, и 23 905,85 га, занятых организациями[8]. Нередко количество сданной в аренду земли превосходило даже посевную площадь артели (Шарапов, 2023: 102).

Если в годы войны колхозы предпочитали взимать оплату промтоварами (из-за высоких темпов инфляции), то после войны начинают преобладать денежные расчеты. Причем земля сдавалась не только под земледельческие работы, но и для выпаса скота. В Рубцовском районе Алтайского края правление колхоза «Вторая пятилетка» в 1948 году выручило от аренды 21 511 руб. В 1949 году этот же колхоз сдавал землю под выпас скота работникам Алтайского тракторного завода по тарифу 300 руб. с головы, заработав в общей сложности 30 000 руб. Весной 1949 года правление сдало заготовительной базе крайпотребсоюза 9 га земли под индивидуальные огороды сотрудников за 50 кг железа и 15 кг гвоздей. В Тальменском районе Алтайского края колхоз «Крепость революции» в 1949 году брал за пастьбу скота на колхозных землях по 100 руб. с головы и помимо этого владелец коровы должен был отработать в колхозе 10 дней. На 6 мая 1949 года в кассу колхоза поступило 12 806 рублей[9].

Во многих артелях доходы от сдачи земли в аренду стали основным источником денежных средств, значительно превосходивших поступления от производственной деятельности. Так, в колхозе «Деятель» Прокопьевского района Кемеровской области денежные доходы от растениеводства и животноводства в 1950 году составили 45 тыс. руб., а от сдачи земель в аренду — 350 тыс. руб.; в колхозе «Большевик» Чебулинского района, соответственно, 189 и 320 тыс. руб.[10].

Такого рода сделки совершались с молчаливого согласия местных властей. Более того, последние сами участвовали в «расхищении» колхозной земли. В Майминском районе Горно-Алтайской автономной области районные и областные советские и партийные организации в 1948 году «захватили» в колхозах 705 га сенокосов: Горно-Алтайский городской комитет ВКП(б) и городской

7. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 700б. Л. 4.
8. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 700б. Л. 34.
9. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 134.
10. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1186. Л. 140–141.

комитет ВЛКСМ — 50 га, райком — 52 га, райисполком — 30 га, райсельхозотдел — 32 га, МТС — 8 га, прокуратура — 10 га, народный суд — 6 га, райотдел МВД — 30 га, райотдел МГБ — 16 га, райфинотдел — 50 га, областное управление МГБ — 25 га, областной суд — 16 га и обком ВКП(б) — 400 га[11]. В некоторых случаях районные организации посредничали в установлении связей между городом и деревней. В Быстро-Истокском районе организация пастьбы скота неколхозного населения на артельных землях была возложена райисполкомом на райкомхоз, который установил плату от 100 до 200 руб. за голову скота. На 20 июня 1949 года в кассу райкомхоза поступило 45 465 руб.[12]. Получали ли свою долю вознаграждения колхозы и в каком объеме, установить не удалось.

Распределение доходов внутри колхозов

Реальная практика распределения денежных и натуральных доходов в колхозах была далека от предписанной государством нормы — строгой зависимости от количества выработанных трудодней. Беспорядок вносила процедура выдачи продуктовых и денежных авансов. Формально она регулировалась уставом сельхозартели. Денежный аванс мог составлять не более 50% от причитающейся суммы за работу в общественном хозяйстве. Выдача натуральных авансов производилась во время работ по уборке и обмолоту. Нормы отчислений устанавливались ежегодными постановлениями ЦК партии и союзного правительства об уборке урожая и заготовках сельхозпродуктов.

Проследить соблюдение правил в каждом из тысяч колхозов было невозможно. Переавансирование оставалось весьма распространенным явлением, даже несмотря на то, что с 1944 года артельному руководству за него грозило уголовное наказание (Исаев, Карев, Устевский, 1948: 69). Симптоматично и другое: распределение авансов во многих колхозах происходило безотносительно количества выработанных трудодней.

Отчеты представителей Совета по делам колхозов в регионах показывают, насколько разнообразными принципами могло руководствоваться колхозное правление при выдаче авансов. Широкое распространение получила практика распределения натуральной продукции уравнительно, в расчете на хозяйство, едока или трудоспособного. В других случаях переавансированными оказывались лица, приближенные к правлению колхоза, связанные родственными или другими неформальными связями[13].

11. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 139.
12. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 134.
13. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1710. Л. 66.

Внутриколхозные порядки распределения доходов были глубоко укоренены в социальных отношениях. Эта особенность, которая, безусловно, является маркером эксполярной экономики, проистекала из общей скудости артельных фондов оплаты труда. Зачастую при утверждении годового отчета распределять на трудодни оказывалось нечего. В Томской области в 1949 году 85% всех натуральных доходов колхозники получили в виде авансов[14]. Уравнительность в таких условиях становилась для колхозного правления вынужденной мерой, одним из немногих способов защитить наиболее уязвимые колхозные семьи от угрозы голода.

Нарушения норм денежного авансирования были массовыми. На 1 января 1949 года в СССР общая сумма переплаты колхозникам по авансам составила 1,5 млрд руб.[15]. Это свидетельствует о том, насколько мало зависело распределение денежных доходов от количества выработанных трудодней. Для властей же это означало, что артели выдали колхозникам полуторамиллиардный кредит без процентов, изъяв из своего хозяйственного оборота огромную сумму средств.

Теневые денежные операции колхозов становились способом хотя бы частично компенсировать предельно низкие легальные доходы от общественного хозяйства. Ведение колхозных финансов регулировалось уставом сельхозартели. В соответствии с ним часть денежных доходов должна была уходить на пополнение неделимых фондов. Для зерновых районов предписывалось отчислять от 12 до 15% доходов, для районов, специализировавшихся на производстве технических культур или животноводстве, — от 15 до 20%. Расходовать эти деньги можно было только в соответствии с производственным планом и приходно-расходной сметой.

В обход установленного порядка колхозы формировали «черные» кассы, деньги которых расходовались, минуя банковскую систему, независимо от производственных планов и смет и без отчислений в неделимые фонды (Кометчиков, 2014). Средства шли на выдачу авансов, покупку промтоваров или приобретение облигаций госзайма для колхозников.

«Черные» кассы пополнялись в том числе за счет несоблюдения норм денежных отчислений в неделимые фонды. На 1 января 1949 года в Алтайском крае общая сумма невнесенных средств составила 41 млн руб. В 1948 году колхоз им. Кирова от продажи на рынке скота и мяса выручил 62 тыс. руб., отчислив на пополнение неделимых фондов только 1,5 тыс. руб. Колхоз «Центральная газета» в том же году продал скота на 75 тыс. руб., внеся из этой суммы только 900 руб. В Змеиногорском районе 35 колхозов из вырученных

14. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1676. Л. 154.
15. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1710. Л. 65.

от продажи скота на рынке 1 640 тыс. руб. отчислений вовсе не производили[16].

Столь же распространено было нецелевое расходование денежных средств неделимых фондов. Так, правление колхоза «Советский путь» Алтайского края якобы с целью покупки скота сняло со счета капиталовложений в банке 79 тыс. рублей и израсходовало на покупку разных товаров для членов артели. Правление колхоза «Новый пахарь» Романовского района потратило 20 тыс. руб. на уплату взносов по личной подписке колхозников на государственный займ[17]. Один из распространенных способов обратить неделимые фонды на непроизводственные нужды был следующий: колхозы за счет этих средств закупали скот, создавая в конце года сверхплановое поголовье, а затем его же и распродавали, распределяя вырученные деньги на трудодни[18]. В целом по СССР в 1946 году колхозами было растрачено 1,9 млрд руб. неделимых фондов, а в 1947 году — 1,4 млрд руб.[19].

Здесь же отметим особенность колхозных торговых операций. Зачастую продукция сбывалась по заниженным ценам. Так, в Змеиногорском районе Алтайского края колхоз «Трудовик» в 1948 году продал разным лицам 878 кг мяса по цене 5 руб. за кг. Назначенная стоимость была в несколько раз ниже рыночной, которая составляла тогда в среднем 18 руб. за кг. Та же артель по бросовым ценам продавала молоко (1 руб. за л при рыночной цене 2,5 руб.) и мед (10 руб. за кг при стоимости на рынке 22 руб.)[20]. Чем же объяснить столь явное отклонение от логики максимизации прибыли? Начать следует с того, что убыток колхозов означал выгоду для самих колхозников в тех случаях, когда именно они оказывались в числе покупателей. В Кемеровской области только за 1951 год было продано колхозникам по заниженным ценам и роздано в счет трудодней 54,2 тыс. голов всех видов скота[21]. Однако такое объяснение оказывается недостаточным, поскольку в число покупателей входили и посторонние для колхозов лица.

Коррупция должностных лиц

Продажа продукции по заниженным ценам напрямую связана с неформальными отношениями между колхозами и широким кругом должностных лиц, которые рассматривали артели как дополнительный источник снабжения. Вступать с ними в конфликт

16. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 141.
17. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 142.
18. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1035. Л. 143.
19. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 770. Л. 17.
20. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 138.
21. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1186. Л. 139.

было отнюдь не в интересах колхозов. В число «кормленщиков» могли входить работники прокуратуры, местных советских, партийных, земельных и судебно-следственных органов.

Степень вовлеченности представителей власти в пользование артельными ресурсами в ряде мест поражает. К примеру, в колхозе «Идея Ленина» Алтайского края в 1948 году заведующий ветеринарным участком взял по низкой цене 21 кг муки, председатель поселкового совета и судья первого участка — каждый по 50 кг пшеницы, трое работников райотдела МВД — 30 кг пшеницы, 18 кг муки и 6 кг шерсти. Зерно и мука покупались по 1–2 руб. за кг при стоимости на рынке 4 руб. Шерсть — по 15 руб. за кг при рыночной цене 80 руб.[22].

В Кожевниковском районе Новосибирской области районный прокурор А. Ф. Мамина в 1943 году была поймана на том, что купила корову в колхозе за 2,7 тыс. руб., а продала на рынке по спекулятивной цене за 70 тыс. руб. Впоследствии выяснилось, что тем же самым в районе промышляли помощник райпрокурора, председатель райисполкома, второй секретарь райкома, начальник районного отдела милиции, заведующий учетного отдела райкома, четыре начальника политотделов, директор МТС, председатель сельсовета, райвоенком, секретарь райисполкома, райуполнаркомзаг и др.[23]. Разоблачение такого рода «теневых» взаимоотношений между местной властью и колхозами затруднялось «круговой порукой», включавшей работников НКВД и прокуратуры.

Существовало множество способов использовать колхозную собственность в личных целях. Широко распространен был обмен личного малопродуктивного скота на высокопродуктивный колхозный, бесплатное содержание животных в артелях, а в некоторых случаях ответственные работники держали собственные ульи с пчелами на колхозных пасеках[24]. В порядке вещей было незаконное владение землей в артелях. В Петропавловском районе Алтайского края в 1948 году зав. райЗО пользовался приусадебным участком площадью 1,03 га, из которых 0,2 га отводились под посев зерновых. Уполномоченный министерства заготовок распоряжался землей площадью 1,3 га, из них 0,3 га засевались зерновыми. Свои участки имели председатель райисполкома, секретарь райкома ВКП(б), начальник РО МВД и др.[25]. Вряд ли эти небольшие «феоды» обрабатывались личным трудом ответственных работников, скорее всего, за них это делали сами колхозы.

Продавая по бросовой цене или вовсе одаривая бесплатно официальных лиц, колхозы рассчитывали на покровительство,

22. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 138.
23. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 214, 217.
24. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 770. Л. 12.
25. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 700б. Л. 5.

ответную помощь или терпимое отношение к собственным нелегальным экономическим практикам. Подунский райисполком Кемеровской области в 1947 году обратился к председателю колхоза им. Буденного Галкину с таким письмом: «Райисполком от имени государства колхозу систематически оказывал и будет оказывать нужную помощь. В числе оказанной помощи — выделена колхозу новая автомашина и прочее. Сейчас райисполком вынужден обратиться за помощью к Вам, с просьбой продать райисполкому одного коня. Заместителю председателя райисполкома не на чем ездить — не имеет коня. Прошу этот вопрос обсудить на заседании правления. Цену установить прошу милостивую, с государства брать дорого нехорошо! Одновременно райисполком разрешает Вам продать одну лошадь. Председатель райисполкома — Шахов»[26].

Становится очевидным, что в использовании колхозных ресурсов были замешаны не только частные лица, хотя и облаченные должностными полномочиями, но и структуры местной власти, регионального и районного уровней, или несельскохозяйственные предприятия и учреждения. В Горно-Алтайской автономной области в 1948 году по решению облисполкома было закуплено 4753 кг меда по цене 5,3 руб. за кг при рыночной стоимости 25 руб. за кг. Мед закупался под видом заготовок в целях последующей выдачи нуждающимся колхозам для подкормки пчел. Фактически же он был распределен между областными, районными организациям и частными лицами. Столовой облисполкома было отпущено 1761 кг, обкому ВКП(б) — 135 кг, райпотребсоюзу — 607 кг, строительству ГЭС — 850 кг, разным лицам — 1746 кг[27].

Колхозы, кроме того, рассматривались властью как резерв доступной рабочей силы, которую в любой момент можно перебросить на работы, никак не связанные с артельным производством. Например, Таврический райисполком Омской области своим решением от 7 июня 1950 года обязал председателя колхоза им. Кирова выделить одного работника для пастьбы скота рабочих и служащих районного центра. Из пяти артелей этого района было привлечено на строительство здания райкома 33 колхозника, которым за работу начислялись трудодни. Председатель Саргатского райисполкома Ермаков 21 октября 1949 года дал задание председателям артелей «Красный октябрь» и «Путь Ильича» производить силами колхозников строительство телефонной линии, а распоряжением от 28 октября 1950 года обязал председателей 15 колхозов выслать на строительство конторы Баженовской МТС 34 плотника сроком на 46 дней[28]. По данным проверки 1948 года, в 979

26. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 770. Л. 5.
27. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 138.
28. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1120. Л. 27.

колхозах Алтайского края за произведенные работы различным организациям и учреждениям было незаконно начислено 188 176 трудодней[29].

«Неформальные» трудодни

Начисление в колхозах трудодней за работу, не связанную с артельным производством, было постоянным раздражителем для центральной власти. Такая практика была несовместима с усилиями добиться строгой зависимости доходов в колхозе от вклада в его хозяйственную деятельность. Тем не менее можно заметить противоречие в отношении государства к колхозникам: с одной стороны, оно требовало выполнения обязательного минимума трудодней, с другой стороны, принуждало крестьян к внеколхозным отработочным повинностям. Артели давали рабочую силу на лесозаготовки, торфоразработки, работу по строительству и ремонту дорог и прочее (Безнин, Димони, Изюмова, 2001: 6). Тяжелые, трудо- и времязатратные повинности не освобождали от выполнения обязательного минимума. Вопреки запрету колхозы предпочитали начислять за них трудодни, облегчая крестьянам бремя нагрузки в артели. Кроме того, в трудоднях оценивались работы, связанные с обслуживанием бытовых нужд односельчан. Труд парикмахеров, сапожников, кузнецов и др. значил многое для колхозного социума вопреки логике государства, следуя которой, он должен был оставаться за рамками экономики артели.

Судя по всему, начисления трудодней за работы, не связанные с сельхозпроизводством, участились вместе с введением обязательного минимума. Например, в Новосибирской области после 1938 года наблюдался стремительный рост доли трудодней, выработанных административно-управленческим и обслуживающим персоналом колхозов. С 1938 по 1944 год она выросла почти в три раза (с 5,6 до 15,1%)[30]. Реагируя на ультимативное требование отрабатывать определенное количество трудодней в год, колхозы стали активнее начислять их за широкий спектр работ и услуг, непредусмотренных уставом. После войны сокращение административно-управленческого и обслуживающего аппарата колхозов, борьба с неправильным расходованием трудодней стали важными направлениями деятельности Совета по делам колхозов. В Томской области только за 1947 год было выявлено 286,2 тыс. трудодней, начисленных за работы, не связанные с колхозным производством. В трудоднях оценивалась работа на лесозаготовках, перевозка грузов, рубка и вывозка дров для различных организаций и учреждений, строительные работы в МТС. Трудодни начислялись

29. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 660. Л. 37.
30. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 214. Л. 239.

заведующим клубами, массовикам, медицинским сестрам, пожарникам, дежурным сельсоветов и др. С октября 1946 года по сентябрь 1948 года в колхозах региона было сокращено 1018 чел. административного и обслуживающего персонала[31].

19 апреля 1948 года было издано постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах». Документ предусматривал пересмотр норм выработки на трудодень по разным видам сельхозработ в сторону их повышения. Отчет представителя Совета по делам колхозов по Томской области свидетельствует о том, что колхозы сопротивлялись внедрению новых норм в жизнь, занижая их, применяя неправильные уравнительные расценки работ в трудоднях, прибегая к поденной оплате многих ее видов[32].

Заключение

Большинство колхозов так и не воплотили в себе тип кооперативных сельскохозяйственных предприятий, которые стремились бы к максимизации доходов своих членов за счет интенсификации производственной деятельности. Это было заведомо невозможно в условиях экономической модели, лишавшей их самостоятельности. Деятельность колхозов была опутана многочисленными институциональными предписаниями и ограничениями, доходившими порой до мелочной регламентации. Артели не обладали полномочиями самостоятельно управлять доступными ресурсами, материальными, финансовыми, техническими и трудовыми. Узкие рамки автономии в принятии решений означали предельное ограничение возможности адаптации к внешним экономическим условиям

При таких обстоятельствах именно неформальные каналы позволяли колхозам расширить свой адаптивный потенциал. Нами были описаны различные способы «просачивания» колхозных ресурсов в неформальную экономику. Причем это касалось ресурсов всех видов: вне государственного контроля оказывалась земля, деньги, рабочая и тягловая сила, инвентарь, техника, скот и все виды сельхозпродукции. Они неравномерно перераспределялись между многими реципиентами, в круг которых входили структуры местной власти, отдельные должностные лица, несельскохозяйственные предприятия и организации, управленческая верхушка колхозов и сами крестьяне. Опосредованно в числе реципиентов оказывалось и государство, хотя бы потому, что значительное количество денежных средств, не поступавших на счета капиталовложений, шло

31. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1871. Л. 253–254.
32. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1871. Л. 55–57.

на уплату налогов и облигаций госзаймов. Шире — неформальная экономика оказывала государству неоценимую услугу, компенсируя изъяны централизованного управления. Она заполняла лакуны товарообмена между городом и деревней, снижала остроту продовольственного кризиса и товарного голода как в городах, так и в сельской местности. В этом заключалась симбиотическая связь неформального и формального слоев экономики.

Столь же наглядной представляется связь между нелегальной экономической деятельностью колхозов и задачей совместного выживания колхозного социума. В статье показано как распределение доходов (в том числе и нелегальных), колхозная торговля, начисление трудодней зависели от социальных отношений внутри артели. Колхозы, несмотря на низкую легальную доходность производственной деятельности, все же оказывались способными брать на себя функции социального попечения, в котором государство отказывало крестьянству. Экономика колхозов была укоренена в общественной жизни крестьянства, а эксполярные связи, скреплявшие колхозный социум, облегчали задачу совместного выживания в условиях агрессивной мобилизационной политики государства.

Вместе с тем концепция эксполярной экономики имеет все же ограниченный объяснительный потенциал применительно к неформальной экономике колхозов, которая, как показано в статье, далеко не всегда основывалась на задачах выживания. В ней имелось место и для алчности артельного правления, различных злоупотреблений властью, бесправия колхозников перед лицом представителей государства. Как бы то ни было, все описанные практики создавали определенную социальную среду, которая отличалась толерантностью к нелегальной экономической деятельности и служила пространством для формирования особых эксполярных структур.

Библиография

Безнин М. А., Димони Т. М. (1999). Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. № 3. С. 81–99.

Исаев М. М., Карев Д. С., Устевский Б. С. (1948). Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 2. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР.

Кометчиков И. В. (2014). «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х — начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1. С. 406–414.

Рынков В. М. (2002). Сопротивление или адаптация? («Теневая» экономика в сибирской колхозной деревне во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: Сборник научных трудов, Омск, 28–29 марта 2000 года. Ч. 1. Омск: Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина. С. 9–12.

Рынков В. М. (2008). Особенности взаимодействия колхозного крестьянства и государства: «теневая» сторона колхозной экономики в Сибири во второй половине 1930-х гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений, Вологда, 23–26 сентября 2008 года. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт. С. 141–143.

Сталин И. В. (2006). Речь И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) по вопросам колхозного строительства // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. М. С. 416–424.

Филатов С. В. (2024). О формах социального протеста колхозного крестьянства Дона в 1945–1953 гг. // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 3 (136). С. 52–58.

Хасянов О. Р. (2018). Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: Политическая энциклопедия.

Шанин Т. (1999). Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Т. Шанин (ред.). М.: Логос. С. 11–32.

Шарапов С. В. (2023). Государство, колхозы и теневая экономика в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области) // Исторический курьер. № 4 (30). С. 92–105.

Шарапов С. В. (2024). Крестьянство в колхозах: этика выживания в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области) // Крестьяноведение. Т. 9. № 3. С. 169–184.

Informal (expolar) economy of the collective-farm village in Western Siberia in 1939–1953

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. The author applies T. Shanin's concept of expolar economy to analyze the ways in which the collective-farm village adapted to the new round of the state mobilization policy in 1939–1953. The article presents various ways of craft resources "penetration" (including land, money, labor and draught power, inventory, equipment, machinery, livestock and all kinds of agricultural products) into the informal sector. They were unevenly redistributed among many "recipients" — local government structures, individual officials, non-agricultural enterprises, top management of collective farms, and peasants. The informal economy provided the state with an invaluable service by compensating for the shortcomings of centralized management, eliminating the gaps in the goods exchange between the city and the countryside, thus reducing the severity of food crisis and shortages of goods in both urban and rural areas. Resources outside the state control allowed collective farms to perform social assistance functions that the state did not provide to the peasantry. The collective-farm economy was rooted in the peasant social life. The expolar ties that held the collective-farm society together helped peasants survive under the aggressive mobilization policies of the state.

Key words: collective farms, peasantry, survival, adaptation, agrarian policy, mobilization

References

Beznin M. A., Dimoni T. M. (1999) Sotsialny protest kolkhoznogo krestyanstva (vtoraya polovina 1940-h — 1960-e gg.) [Social protest of the collective-farm peasantry (second half of the 1940s — 1960s)]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 3, pp. 81–99.

Filatov S. V. (2024) O formah sotsialnogo protesta kolkhoznogo krestyanstva Dona v 1945–1953 gg [On the forms of social protest of the collective-farm peasantry in the Don Region in 1945–1953]. *Gumanitarnye i Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*, no 3, pp. 52–58.

Khasyanov O. R. (2018) *Povsednevnaya zhizn sovetskogo krestyanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: na materialah Kujbyshevskoj i Ulyanovskoj oblastej* [Everyday life of the soviet peasantry during the period of late Stalinism. 1945–1953: Based on the materials from the Kuibyshev and Ulyanovsk Regions], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Isaev M., Karev D., Ustevsky B. (1948) *Sovetskoe pravo v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Ch. 2* [Soviet Law during the Great Patriotic War. Part 2], Moscow: Yuridicheskoe izdatelstvo Ministerstva yustitsii SSSR.

Kometchikov I. (2014) "Chernye kassy" kolkhozov Tsentralnogo Nechernozemya i borba s nimi v seredine 1940-h — nachale 1950-h gg. ["Black cash registers" of collective farms in the Central Non-Black Earth Region and the struggle against them in the mid-1940s — early 1950s]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*, no 1, pp. 406–414.

Rynkov V. M. (2002) Soprotivlenie ili adaptatsiya? ("Tenevaya" ekonomika v sibirskoj kolkhoznoj derevne vo vtoroj polovine 1930 — nachale 1940-h gg.) [Resistance or adaptation? ("Shadow" economy of the Siberian collective-farm village in the second half of the 1930s — early 1940s)]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Part 1,* Omsk: Omsky gosudarstvenny agrarny universitet im. P. A. Stolypina, pp. 9–12.

Rynkov V. M. (2008) Osobennosti vzaimodejstviya kolkhoznogo krestyanstva i gosudarstva: "tenevaya" storona kolkhoznoj ekonomiki v Sibiri vo vtoroj polovine 1930-h gg. [Features of the interaction between the collective-farm peasantry and the state: The "shadow" side of the collective-farm economy in Siberia in the second half of the 1930s. *Aktualnye problemy agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy,* Vologda: Vologodsky gosudarstvenny pedagogichesky institute, pp. 141–143.

Shanin T. (1999) Ekspolyarnye struktury i neformalnaya ekonomika sovremennoj Rossii [Expolar structures and informal economy of contemporary Russia]. *Neformalnaya ekonomika. Rossija i mir.* Ed. by T. Shanin, Moscow: Logos, pp. 11–32.

Sharapov S. V. (2023) Gosudarstvo, kolkhozy i tenevaya ekonomika v godi Velikoi Otechestvennoi voini (po materialam Novosibirskoi oblasti) [The state, collective farms, and the shadow economy during the Great Patriotic War (based on the materials from the Novosibirsk Region)]. *Istorichesky Kurier*, no 4, pp. 92–105.

Sharapov S. V. (2024) Krestyanstvo v kolkhozah: etika vizhivaniya v godi Velikoi Otechestvennoi voini (po materialam Novosibirskoi oblasti) [Peasantry of collective farms: Subsistence ethics during the Great Patriotic War (based on the materials from the Novosibirsk Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 3, pp. 169–184.

Stalin I. V. (2006) Rech I. V. Stalina na plenume TsK VKP(b) po voprosam kolkhoznogo stroitelstva [I. V. Stalin's speech on the collective-farm system construction at the plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: Dokumenty i materialy.* Vol. 5. 1937–1939. Book 2: 1938–1939, Moscow, pp. 416–424.